

В тот вечер за ужином она была необычайно тихой и вяло ковырялась в еде. Чувствуя ее озабоченное состояние, Сердик и профессор Дамблдор переговаривали между собой, и она ушла в свои мысли. Она вспоминала Крестража Тома, который каким-то образом мог разговаривать с ней во сне, искушая её, уговаривая пойти к нему, что он сделает для неё исключение, потому что она такая красивая, такая гениальная. Что Гарри и Рон никогда не увидят в ней книжности и храбрости. Что Гарри всегда будет ценить дружбу Рона больше, чем её, хотя она была единственной, кто никогда его не бросал, кто всегда верил в него и поддерживал его. Ей никогда не хватало смелости спросить у мальчиков, не шептался ли он с ними тоже.

Это говорило ей о том, что жизнь с Роном будет бесконечным однообразием, превращая её собственное видение их будущего в ад в пригороде. Во сне он гладил её по волосам и говорил, что она слишком гениальна для такой жизни - и разве она не хотела бы сделать что-то действительно удивительное?

Разве она не хотела бы, чтобы все узнали, на что она действительно способна? Чтобы все увидели, что именно она постоянно перехитряет его?

Без тебя, - шипел он снова и снова, - они ничто. Без тебя я даже не стал бы гоняться за ними. Приди ко мне, приди ко мне, и я вознагражу тебя, я покажу тебе и всему миру, на что ты способна... Приди ко мне, Гермиона. Присоединяйся ко мне. Покажи миру, на что ты действительно способна.

Это была мастерская попытка соблазнения. Никто никогда не знал о снах, которые снились ей в палатке ночь за ночью, о снах, которые были не по её вине, и о тех, которые были. Сны о пытках, об изоляции, а также другие сны, при воспоминании о которых она краснела.

Хуже всего были сны, в которых он плакал, потерянный, как маленький ребенок, и умолял ее отпустить его. Когда он обещал сделать все, что угодно, лишь бы она позволила ему почувствовать солнце на своей коже. Когда он спрашивал её, почему Дамблдор любил Гарри, почему он заботился о Гарри, но ненавидел Тома и бросил его на растерзание собакам?

Последний вопрос взволновал её больше, чем всё остальное, что он сделал. Потому что это была правда, и потому что она чувствовала искреннее неприятие Крестража.

Он - это он - играл на её сострадании, как виртуоз на скрипке.

Гермиона поклялась, что сделает всё, что угодно, лишь бы не попадаться ему на глаза в школе. Если не считать связи с Дамблдором, созданный ими фон не должен был привлечь внимания. Дирборны не входили в список двадцати восьми чистокровных семей. Это была старая фамилия, но они редко женились на магглорожденных и, чаще всего, на полукровках.

Она была бы просто еще одной ведьмой. Не магглорожденной, не Священной Двадцать

Восьмой. Не первой полукровкой в древнем роду, как Гарри или Риддл. Пока она не попала в Слизерин и не поддалась искушению показаться слишком умной или слишком способной, интерес, вызванный ее необычно поздним поступлением в школу, быстро угаснет.

Гермиона взяла в руки свою новую палочку, стараясь не рассматривать ее слишком внимательно. Она была такого же типа, как у Беллатрисы, хотя и не такая же палочка. Она была элегантной и прямой, удивительно гибкой, но все же из орехового дерева и драконьего сердца. Опасная палочка, если использовать ее не по назначению.

Волшебная палочка, - тихо прошептал мистер Олливандер, - которую можно подчинить себе и заставить делать почти всё, что угодно. Она ничего не ответила. Ей не нужен был этот новый компаньон. Однако возраст и происхождение Волшебных палочек можно было отследить: её любимая палочка из виноградного дерева была спрятана в маленьком хранилище Гринготтса, отмеченном её новым именем.

Позже, когда Гермиона лежала в своей постели в ту последнюю ночь, она снова и снова бормотала: Я не потеряю самообладания. Мне не нужно быть лучшей.

Она уже сдала ЖАБА на отлично (и ее невероятно раздражало то, что, проверив записи в Министерстве, она знала, что Том Риддл только что - только что - победил ее). Но это неважно. Она будет контролировать глупое, безрассудное желание победить его в этот раз... В любом случае это будет обман - пустая победа. И она постарается сделать все возможное, чтобы весь год даже не разговаривать с ним.

Я не буду терять самообладания. Мне не нужно быть лучшей.

Она мечтала о дуэли с Крестражем Томом, о том, как оставит его избитым на полу.

Если бы у Гермионы был девиз, он бы звучал так: «Всегда будь готов».

Лондон 1944 года сильно отличался от того Лондона, в котором выросла Гермиона. Пока такси медленно ехало по Юстонской дороге в сторону Кингс-Кросс, Гермиона не могла отделаться от ощущения, что находится на съемочной площадке. Гермиона и Сердик аппарировали на Косой Переулок, а не пытались справиться с толпой людей в крошечном пункте явлений на самом Кингс-Кроссе. Гермиона видела лишь немного волшебного Лондона с тех пор, как приехала в это время, и реальность войны обошла её стороной.

В магловском Лондоне она была повсюду: разрушенные здания, мужчины и женщины в военной форме, плакаты. Даже найти такси оказалось сложнее, чем она ожидала - возможно, как она поняла слишком поздно, из-за ограничений на бензин.

Даже без вездесущих признаков военной столицы город был другим.

За тридцать пять лет до ее рождения все казалось чище и грязнее одновременно. Она ощущала отсутствие небоскребов, которые еще только должны были появиться, магазинов, достопримечательностей, светофоров, дорожных знаков, которых не существовало. Ткань города начала рваться, но еще не была переплетена.

Солнце освещало улицы, пробиваясь сквозь тонкий серый слой облаков и смога, налипших на город, и подчеркивая перемещение, которое она чувствовала в этой странной темно-зеркальной версии своего дома. Несмотря на все различия, этот город, подумала она, любясь старомодным автобусом, который они обогнали, все еще узнаваемый, до боли знакомый Лондон.

<http://tl.rulate.ru/book/119328/4878172>